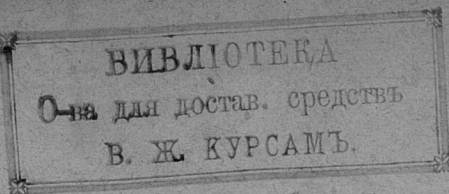

№ 515/114

XXI-1-22

622 №. 2.
97.

Бестужев-Рюмин К.

Изж. М. П. Пр.

1887 апрель.

Методы исторических занятий.

THE METHODS OF HISTORICAL STUDY. Eight Lectures read in the university of Oxford in Michaelmas term 1884 with the inaugural lecture on the office of the Historical professor by *Edward A. Freeman* (Методы исторических занятий. Восемь лекцій, прочитанных въ Оксфордскомъ университетѣ осенью 1884 г. съ прибавленіемъ вступительной лекціи объ обязанности профессора исторіи. *Эдуарда А. Фримана*). London. 1886.

Въ старыя годы было въ обычаѣ начинать изложеніе каждой науки опредѣленіемъ ея отношенія къ другимъ наукамъ и изъясненіемъ тѣхъ методовъ, которые употребляетъ она для изученія отмежеваннаго ей поля наблюденій и изслѣдованій. Таково знаменитое у насъ введеніе Татищева въ его „Исторію Россіи съ древнѣйшихъ временъ“. Первой изъ этихъ задачъ посвящена въ гораздо позднѣйшее время рѣчь, произнесенная въ 1847 г. на актѣ Московскаго университета П. Г. Рѣдкинымъ, въ которой онъ указывалъ на отношеніе разныхъ наукъ къ наукѣ права. Нѣчто подобное почти въ то же время сдѣлано было К. Д. Ушинскимъ въ рѣчи на актѣ Демидовскаго лицея. Въ русскихъ университетахъ до реформы гр. Уварова существовала кафедра энциклопедіи и ученой исторіи, которая имѣла цѣлью указать на взаимную связь наукъ и на взаимодѣйствіе ихъ въ развитіи цивилизаціи. Подобная задача, къ разрѣшенію которой стремились Бэконъ, Д'Аламберъ, Контъ и нѣкоторые новѣйшіе писатели по логикѣ (Бенъ, Вундтъ и др.) въ своихъ классификаціяхъ, кажется многимъ непосильною для одного человѣка въ наше специализирующее время, но именно въ наше время, когда по остроумному выраженію одного русскаго писателя: „специалистъ лѣвой руки скоро ничего не

будетъ знать о правой“, когда появляются спеціалисты самыхъ мелкихъ спеціальностей, указаніе на взаимную связь наукъ становится все настоятельнѣе и настоятельнѣе: не забудемъ, что являются такія области знаній, въ которыхъ несомнѣнно необходимы пособія изъ совершенно разныхъ областей: такова доисторическая археологія, географія, лингвистика, психологія и т. д. Такова же въ высшей степени исторія. Опредѣленіе отношенія исторіи къ другимъ наукамъ становится положительно необходимымъ въ виду того, что есть покушенія перевести ее изъ области наукъ духовныхъ (этическихъ) въ область наукъ о природѣ (физическихъ) и вмѣсто начала свободной воли, которая долго считалась верховнымъ началомъ исторіи, поставить начало необходимости, которымъ управляются явленія внѣшней природы. При всѣхъ подобныхъ попыткахъ невольно вспоминается слово, сказанное М. П. Погодинымъ на замѣчаніе, что главный характеръ русской исторіи юридическій: „А святаго Сергія куда вы дѣнете съ вашимъ юридическимъ элементомъ!“ То же можно сказать и послѣдователямъ Бокля съ ихъ физическими условіями и новѣйшимъ историкамъ-экономистамъ. Конечно, элементовъ въ исторіи много и каждому есть свое мѣсто, но это мѣсто должно быть строго опредѣлено и хорошо поступить тотъ преподаватель исторіи, который, слѣдуя примѣру Фримана, удѣлитъ въ своемъ введеніи въ исторію значительную долю вниманія и этому вопросу. Правильное рѣшеніе общаго вопроса объ отношеніи наукъ между собою зависитъ отъ усиленнаго вниманія спеціалистовъ по разнымъ областямъ знанія. Только сведенныя вмѣстѣ замѣчанія и наблюденія спеціалистовъ, конечно освѣщенныя философскою идеей, могутъ повести къ правильному построенію общей теоріи знанія и правильному опредѣленію взаимнаго отношенія различныхъ его отраслей. Такая общая теорія должна будетъ имѣть вліяніе на систему высшаго образованія, на организацію университетскаго факультетскаго преподаванія. Такъ результатомъ подобнаго изслѣдованія можетъ оказаться полезность оссбаго факультета историческихъ и общественныхъ наукъ, на чтѣ указывали когда-то Риль и Н. Х. Бунге (въ замѣчательныхъ статьяхъ въ Русскомъ Вѣстникѣ дѣтъ 25 тому назадъ).

Другой рядъ вопросовъ, занимающій Фримана, есть изложеніе и оцѣнка методовъ изученія и воспроизведенія историческихъ явленій. Этимъ вопросамъ такъ или иначе болѣе счастливится въ современной исторической литературѣ: имъ часто посвящаются отдѣльныя сочиненія (Дройзена, Гервинуса и т. д.). Иногда введеніе въ курсы

посвящается указаніямъ на общіе законы историческаго развитія (таково было знаменитое въ свое время *Introduction dans l'histoire universelle* Мишле, таковъ же первый томъ извѣстной въ наше время книги Бокля). Такое введеніе требуетъ особеннаго занятія философій, ибо тотъ или другой взглядъ на общій ходъ исторіи находится въ тѣсной связи съ тою или другою системою метафизики и этики. Конечно, ни одинъ изъ преподавателей исторіи (даже если все свое вниманіе обратитъ онъ на вѣрность хронологическихъ датъ) не можетъ не выработать своего болѣе или менѣе полнаго, болѣе или менѣе сознательнаго взгляда на событія, но не каждый возьметъ на себя трудъ отвлечь этотъ взглядъ и свести его въ стройную систему, да и далеко не каждая такая система была бы полезнымъ явленіемъ. Само собою разумѣется, что полное отрицаніе пользы подобныхъ системъ не возможно, хотя и возможно сомнѣніе въ ихъ своевременности; но своевременны онѣ или не своевременны, а мысль человѣческая не можетъ отказаться отъ нихъ, какъ не можетъ отказаться ни отъ этики, ни отъ эстетики, ни отъ метафизики. ¹⁾ Первые двѣ задачи, конечно, проще: онѣ требуютъ только тѣхъ условій, безъ которыхъ немислимъ профессоръ: здраваго ума, довольно обширнаго общаго образованія и привычки къ труду въ своей области. Бываютъ случаи, что этихъ качествъ и недостаетъ у профессора, но на случаи эти показываютъ какъ на чудовищныя исключенія. Можно ли считать не только хорошимъ, но даже сноснымъ профессоромъ человѣка, который капризъ личной мысли ставитъ выше выводовъ тщательнаго изученія, который заранѣе, еще не изучивъ, рѣшаетъ, какъ ему смотрѣть на дѣло.

Обратимся теперь къ занимающей насъ книгѣ. Авторъ ея не новичекъ въ исторической наукѣ, хотя только въ 1884 году занялъ катедру исторіи въ Оксфордѣ, послѣ того, какъ Стебсъ, извѣстный

¹⁾ Альфредъ Мори въ своемъ весьма распространенномъ сочиненіи: „*La terre et l'homme*“ представилъ опытъ особаго рода введенія въ исторію. Какъ извѣстно, онъ собралъ вкратцѣ результаты естественныхъ наукъ (со включеніемъ этнографіи и лингвистики). Такое введеніе имѣетъ свою пользу: изучающему исторію, конечно, полезно знакомство съ выводами и главными фактами естественныхъ наукъ; но подобное одностороннее изложеніе имѣетъ и свои большія невыгоды. Теорія Шапова у насъ, теоріи многочисленныхъ новѣйшихъ писателей во Франціи служатъ тому яснымъ доказательствомъ. Главный вредъ этихъ теорій въ томъ, что они суживаютъ умственный горизонтъ.

и у насъ авторъ „Конституціонной исторіи Англіи“, получивъ епископскую каѳедру въ Честерѣ, отказался отъ профессуры. Фриманъ, авторъ „Исторіи завоеванія Англіи норманнами“, „Исторіи федеральныхъ правительствъ“, „Сравнительной политики“ и многихъ другихъ сочиненій, хорошо извѣстенъ и у насъ: наша Академія Наукъ признала его уже давно своимъ членомъ-корреспондентомъ, а С.-Петербургскій университетъ—своимъ почетнымъ членомъ. Вступая на каѳедру 59 лѣтъ отъ роду (род. въ 1823 г.), принося съ собою многолѣтнюю опытность неутомимаго работника по разнымъ отдѣламъ всеобщей исторіи, образованіе чрезвычайно обширное, взглядъ весьма широкій: его занимали и архитектура, и литература, и политическія учрежденія, и историческая географія, и западъ, и востокъ,—Фриманъ своими первыми шагами на каѳедрѣ долженъ былъ возбудить всеобщее вниманіе людей, интересующихся дѣломъ и понимающихъ его. Въ настоящее время передъ нами лежитъ его первый курсъ о методахъ историческаго изложенія, второй о главныхъ эпохахъ исторической жизни европейскихъ народовъ (который, вѣроятно, имѣетъ тотъ же объемъ, хотя и другое содержаніе, какъ и его извѣстный и у насъ учебникъ: *General Sketch of European History*) будетъ имъ изданъ, и этого изданія съ нетерпѣніемъ ждутъ любители исторіи. Остальные курсы онъ не намѣренъ издавать въ видѣ лекцій, но они послужатъ матеріаломъ для сочиненій въ другой формѣ. Упомянемъ еще, что рядомъ съ лекціями своими Фриманъ учредилъ то, что нѣмцы называютъ семинаріемъ. Въ этомъ семинаріи онъ съ слушателями, въ числѣ которыхъ были и не студенты, читалъ на первый разъ Григорія Турскаго. Взглядъ Фримана на значеніе средневѣковыхъ источниковъ и на приемы изученія ихъ мы будемъ имѣть случай разсмотрѣть далѣе.

Курсъ состоитъ изъ девяти лекцій; въ первой, вступительной, авторъ излагаетъ свой взглядъ на обязанность профессора исторіи. Охарактеризовавъ своихъ предшественниковъ, остановившись въ особенности на Арнольдѣ, чрезвычайно уважаемомъ англичанами, но менѣе извѣстномъ у насъ авторѣ обширной, далеко не конченной „Римской исторіи“, Фриманъ переходитъ къ излюбленной своей мысли, которая уже была имъ блистательно высказана нѣсколько лѣтъ тому назадъ въ публичномъ чтеніи „о единствѣ исторіи“. По мнѣнію его, древняя (классическая) исторія должна быть изучаема въ связи съ новою, которая служитъ ея продолженіемъ, новая—вмѣстѣ съ древнею. Извѣстная книжка Фримана „Общій очеркъ Европейской исторіи“ написана именно сообразно съ этою мыслью: она начинается

исторіей Греціи. Исторію древняго и новаго востока авторъ считаетъ возможнымъ и нужнымъ сдѣлать предметомъ особаго изученія: въ ней онъ видитъ пособіе для пониманія исторіи европейскихъ народовъ, но не составную часть этой исторіи. Центральнымъ пунктомъ изученія является для него Римъ. Греція приготовляетъ Римъ, новый міръ живетъ политическими, а въ значительной степени и культурными преданіями Рима (Византія тоже занимаетъ свое мѣсто въ воззрѣніяхъ оксфордскаго профессора). Принятое въ Оксфордскомъ университетѣ отдѣленіе новой исторіи вмѣстѣ съ новыми языками въ особую школу (отдѣленіе по нашему) возбуждаетъ сильный протестъ Фримана. Онъ указываетъ на то, что трудно обозначить, откуда начинается новая исторія и на то, что откуда бы мы ее ни начинали, мы будемъ все-таки рѣзать живое тѣло. Только въ виду существующихъ правилъ, которыя, по свидѣтельству Фримана, опредѣляютъ число часовъ для профессора новой исторіи, но не опредѣляютъ самаго предмета его преподаванія, устанавливаютъ однако раздѣленіе, профессоръ замѣчаетъ, что исходнымъ пунктомъ своего преподаванія онъ ставитъ V вѣкъ по Р. Х. Горько жалуется Фриманъ на то, что классики пренебрегаютъ изученіемъ новой исторіи и новыхъ языковъ, хотя только сравнительное изученіе и можетъ показать судьбу и словъ, и учрежденій древняго міра. Въ этихъ жалобахъ сказывается авторъ „Сравнительной политики“, гдѣ, какъ извѣстно, сличены между собою первоначальныя учрежденія народовъ европейскихъ; еще ранѣе, въ началѣ своей дѣятельности, онъ дѣлалъ опытъ приложенія сравнительнаго метода въ своей „Исторіи федеральныхъ правительствъ“, остановившейся, какъ извѣстно, на первомъ томѣ, заключающемъ въ себѣ исторію греческихъ федерацій. Сравнительный методъ очень цѣнитъ Фриманъ; но едва ли возможно ограничить его только европейскою отраслю арійскаго племени и притомъ съ отстраненіемъ славянскаго: въ „Сравнительной политикѣ“ авторъ сосредоточивается на трехъ племенахъ: грекахъ, римлянахъ и германцахъ. Это впрочемъ можетъ быть объяснено требованіемъ автора, чтобы съ исторіею народа изучался и его языкъ. Одною изъ главныхъ причинъ, почему Фриманъ считаетъ неудобнымъ раздѣленіе древней исторіи отъ новой, выставляется именно то, что языки греческій и латинскій не умерли съ древнимъ міромъ, но продолжали жить и развиваться. Этого не признаютъ классическіе филологи, и вотъ почему нападаетъ на нихъ профессоръ новой исторіи. Нѣтъ никакого сомнѣнія въ томъ, что изученіе древняго міра должно служить основой изученія новаго.

Мы имѣемъ на это блистательный примѣръ въ нашей ученой литературѣ: тотъ изъ нашихъ профессоровъ всеобщей исторіи, который наиболѣе сдѣлалъ для науки, перешелъ къ изученію Византіи, составившему его славу, отъ изученія древней Греціи, ибо первое свое сочиненіе посвятилъ онъ той эпохѣ, изложеніе которой обезсмертило Поливія. Въ англійскомъ обществѣ существуетъ убѣжденіе, что изученіе новой исторіи легче изученія древней, ибо оно можетъ быть основано на новыхъ французскихъ и англійскихъ сочиненіяхъ. Противъ этого заблужденія сильно возстаетъ Фриманъ: онъ полагаетъ, что изученіе новой исторіи должно начинаться съ изученія первоначальныхъ источниковъ въ ихъ первоначальной формѣ. Подобно тому, какъ при изученіи древняго міра начинаютъ съ одного классическаго автора, съ изученіемъ котораго связываютъ изученіе самой эпохи, Фриманъ рекомендуетъ выбирать для начала занятій одного такого классическаго автора: Григорія Турскаго, Ламберта и т. п. и внимательно изучить ихъ. Масса матеріаловъ, представляемыхъ новѣйшею исторіею, матеріаловъ и официальныхъ, и неофициальныхъ, невозможность безъ привычки разобратся въ этомъ матеріалѣ за отсутствіемъ такихъ классическихъ сочиненій, каковыя представляютъ древность и средніе вѣка, побуждаетъ профессора совѣтовать не начинать изученія съ новѣйшей исторіи. Совѣтъ избрать для начала изученія классическую книгу нельзя не считать въ высшей степени полезнымъ: при такомъ изученіи начинающій не разбрасывается, приучается читать внимательно, останавливаться на подробностяхъ и не упускать изъ вниманія цѣлаго. Помню, какъ на моихъ глазахъ начиналъ свои занятія Ешевскій, которому Кудрявцевъ, убѣжденный, какъ теперь убѣжденъ Фриманъ, въ необходимости изученія основной книги, указалъ на Григорія Турскаго. Только послѣ внимательнаго изученія такого основнаго источника можно приступить къ другимъ источникамъ того же періода и тогда овладѣть всѣмъ періодомъ и тѣмъ развить въ себѣ способность историческаго пониманія. Чрезвычайно характерично то, что Фриманъ въ той же лекціи старается внушить слушателямъ, что главная цѣль, къ которой они должны стремиться— не добываніе степеней и отличій, а знаніе, и что знаніе не служитъ препятствіемъ и къ полученію степеней—такъ стало быть сильно въ англійскомъ университетѣ (какъ, впрочемъ, въ настоящее время и вездѣ) стремленіе къ внѣшнему виду знанія, а вмѣстѣ съ тѣмъ скорѣйшему и легчайшему прохожденію курса для практическихъ цѣлей: ибо степени, не давая въ Англии преимуществъ служебныхъ, даютъ

все-таки известное общественное положеніе. Это стремленіе—язва новѣйшихъ обществъ.

Собственно курсъ начинается со второй лекціи, опредѣляющей отношенія исторіи къ сродственнымъ ей знаніямъ. Въ этой лекціи сказались особенности англійскихъ воззрѣній и англійскаго способа изложенія. Нѣмецкій ученый непременно построилъ бы науки въ системѣ; англійскій ограничивается болѣе практическими соображеніями: для нѣмца первое и самое главное—наука вообще, частью которой является его спеціальная наука, для англичанина центръ—его спеціальная наука и даже та ея часть, которой онъ въ особенности посвящаетъ свои усилія. Таковъ вездѣ англичанинъ: если нѣмецъ станетъ выводить, на примѣръ, науку права изъ основаній этическихъ, которыя опираются въ свою очередь на его метафизическія воззрѣнія—то англичанинъ, выведетъ право или изъ реально-существующихъ явленій, или изъ исторіи, понятой или принятой болѣе или менѣе практически. Самое основаніе исторической школы права у нѣмцевъ болѣе абстрактно, чѣмъ у англичанъ. Всеобщая исторія для нѣмца есть спекулятивное представленіе мірового развитія, имѣющее болѣею частью цѣлью доказать, что цвѣтъ и плодъ этого развитія—нѣмецкій народъ. Для англичанина въ этомъ смыслѣ всемірной исторіи не существуетъ: величайшій изъ англійскихъ историковъ Гиббонъ сосредоточилъ всю исторію среднихъ вѣковъ около идеи Римской имперіи. Эта мысль развивается далѣе современными намъ историками. Мы уже видѣли, что около нея сосредоточиваетъ свое историческое воззрѣніе и Фриманъ, при чемъ, конечно, теперь яснѣе понимается, значеніе восточной имперіи, въ которой видятъ не только упадокъ; но полное пониманіе восточной Европы чуждо и англійскимъ историкамъ, какъ и нѣмецкимъ, ибо если нѣмцамъ мѣшаетъ прозрѣть ихъ національная гордость и вѣра въ величіе германскаго духа, то англичанамъ, сверхъ того, мѣшаетъ практическое настроеніе ихъ ума. Для англичанина, какъ и выразилъ ясно Фриманъ, исторія есть развивающаяся политика, политика есть остановившаяся исторія. Для нѣмца (можетъ быть, за нѣкоторыми исключеніями, и такими крупными, какъ Ранке) исторія и теперь, какъ во времена Шлецера, есть движущаяся статистика, а статистика—остановившаяся исторія. Слѣдовательно, для одного идеаль исторіи, центръ тяжести лежить—въ политическихъ формахъ и политическихъ отношеніяхъ, для другаго въ культурныхъ формахъ и культурныхъ отношеніяхъ. Конечно, и тотъ, и другой идеаль равно допускаютъ безграничный прогрессъ, но англичанинъ (напри-

мѣръ, Фриманъ), ограничивающій поле своихъ изслѣдованій однимъ, такъ-сказать, культурнымъ типомъ, если позволительно выразиться, романо-германскимъ, въ сущности ближе нѣмца къ высказанному гениальнымъ русскимъ мыслителемъ Н. Я. Данилевскимъ мнѣнiю о смѣняющихся культурныхъ типахъ, ограничивающихся извѣстными расами. Дѣйствительно, на такую мысль наводитъ мнѣнiе Фримана о томъ, что древнiй и новiй востокъ составляютъ особое отдѣленiе исторiи—древнюю, а что новая исторiя есть въ сущности исторiя Рима, приготовленiемъ къ которой служить исторiя Греции, а дальнѣйшимъ развитiемъ исторiи романскихъ и германскихъ народовъ. Выше, каѳоличнѣе, если позволительно такъ выразиться, является опредѣленiе русскаго ученаго: исторiя есть народное самосознанiе; откуда слѣдуетъ, что всеобщая исторiя въ идеалѣ есть самосознанiе человѣчества, конечно переданное черезъ призму той или другой народности. Идеалъ этотъ считаю шире потому, что надъ политическими формами, надъ культурными данными ставить этотъ взглядъ духовныя качества, раскрывающiяся и въ историческихъ событiяхъ, и въ состоянiяхъ общественныхъ. Каждый культурный типъ долженъ дойти именно до такого сознанiя—это идеалъ исторiи. Дойти до такого сознанiя значить раскрыть всю свою внутреннюю сущность. Такое воззрѣнiе вполне согласно съ воззрѣнiями Н. Я. Данилевскаго: каждый культурный типъ представляется извѣстными народами; народы эти (или народъ) выражаютъ свою сущность въ дѣятельности; наука приводитъ эту дѣятельность въ сознанiе; сознанiе вноситъ свѣтъ въ самую дѣятельность; дѣятельность становится сознательною. Въ человѣчествѣ наступаетъ новая эра, ярче выступаетъ особая сторона человѣческаго духа, дотолѣ не проявлявшаяся въ исторiи; такимъ образомъ въ этой смѣнѣ культурныхъ типовъ раскрывается мало по малу все содержанiе человѣческаго духа и слѣдовательно прогрессъ совершается не прямолинейно, а какъ бы по радиусамъ. Казалось бы, что такое воззрѣнiе противорѣчитъ слову апостольскому: нѣсть еллинъ, ни иудей; противорѣчатъ, словомъ, каѳоличности Богооткровенной религии, призывающей къ себѣ всѣ народы; но это противорѣчiе только мнимое: національные типы не отрицаютъ Богооткровенной истины, а воспринимаютъ ее по своему, ибо истина дана намъ, но воспрiять ее предоставлено нашей волѣ и нашимъ силамъ; степенью ея воспрiятiя обусловливается болѣе или менѣе важное значенiе народа въ человѣчествѣ, такъ же какъ степенью ея воспрiятiя обусловливается нравственное значенiе отдѣльнаго человѣка. Повелѣно людямъ сбросить

съ себя ветхаго Адама; но это процессъ болѣзненный и ветхій Адамъ все-таки остается: возьмемъ хотя Римъ съ его католицизмомъ; развѣ онъ не сохранилъ въ себѣ ветхаго Адама? возьмемъ Германию съ ея протестантизмомъ, плодомъ и германскаго индивидуализма, и германскаго рационализма; возьмемъ Англию съ ея англиканствомъ, компромиссомъ между католицизмомъ и протестантизмомъ, вполне возможныхъ въ этой странѣ компромиссовъ. Востокъ чище сохранилъ вселенскую истину; но и здѣсь нельзя не замѣтить (особенно въ церковномъ устройствѣ и въ обрядѣ) историческихъ и національныхъ наслоеній. Если въ этой сферѣ мы не находимъ противорѣчія теоріи культурныхъ типовъ, то тѣмъ менѣе мы находимъ ихъ въ другихъ сферахъ. Въ подтвержденіе этой теоріи о связи западно-европейской исторіи съ римскою, составляющею такимъ образомъ особый культурный типъ, нельзя не привести указаній величайшаго изъ нашихъ мыслителей Хомякова на логическую связь католицизма съ протестантизмомъ, а черезъ него съ рационализмомъ. Этимъ движеніемъ мысли въ ея главнѣйшей сферѣ исчерпывается въ его сущности все значеніе культурнаго типа. Современный матеріализмъ, доведенный до крайности и у нѣмцевъ (Бюхнеръ, Молешоттъ и др.), и у французовъ (составители сборника *Bibliothèque des sciences contemporaines*, который представляетъ любопытнѣйшій фактъ современности), едва ли не послѣднее слово этого культурнаго типа. Изъ трехъ намѣченныхъ нами точекъ зрѣнія: политическо-общественной англійской, культурно-общественной нѣмецкой (сюда, кажется, слѣдуетъ отнести и новыхъ французовъ) и нарождающейся духовной русской, имѣющей поставить во главѣ угла не матеріальную только и не политическую, а цѣльную духовно-нравственную культуру—изъ трехъ этихъ воззрѣній мы, конечно, отдаемъ преимущество послѣднему, ибо хотя политическая форма есть видимое выраженіе общественнаго строя, но она обусловлена самымъ строемъ, а строй общественный обуславливается главнымъ образомъ нравственно-религіозными основами, дающими ему тотъ или другой культурный характеръ. Не даромъ величайшій изъ историковъ нашего времени, Леопольдъ Ранке, даетъ такъ много мѣста въ своемъ изложеніи религіознымъ вопросамъ, какъ въ исторіи Востока (вспомнимъ первую главу 1 тома: Амонъ, Ваальъ и Иегова), такъ и въ исторіи христіанскихъ временъ (см. изложеніе богословскихъ споровъ въ Византіи, конечно, съ протестантской точки зрѣнія). Къ сожалѣнію, въ настоящее время мы

должны ограничиться этими, быть может, слишком общими замѣчаніями.

При опредѣленіи отношенія исторіи къ другимъ областямъ знанія Фриманъ чрезвычайно вѣрно выходитъ изъ заключенія, что чѣмъ болѣе знаетъ историкъ, тѣмъ шире онъ смотритъ. Только то знаніе, которое никуда приложено быть не можетъ, бесполезно для историка. Это положеніе онъ объясняетъ интереснымъ примѣромъ: какой-то математикъ изобрѣлъ теорему, преимущество коей заключается въ томъ, что она никакого приложенія имѣть не можетъ. Такая теорема, конечно, бесполезна и для историка. Но всякое знаніе, имѣющее практическое значеніе, можетъ быть полезно и для историка: такъ, на примѣръ, историкъ, случайно знающій химію, можетъ воспользоваться своимъ знаніемъ для рѣшенія нѣкоторыхъ специальныхъ вопросовъ (припомнимъ, на примѣръ, составъ бронзы въ такъ-называемомъ бронзовомъ вѣкѣ или лигатуру въ монетахъ разныхъ эпохъ и т. п.). Здѣсь помощь посторонней науки можетъ быть болѣе ими менѣе случайная, и специалистъ-историкъ можетъ найти эту помощь у специалиста-химика, стало быть, знаніе химіи для него не обязательно. Иное его отношеніе къ геологіи. Геологическое строеніе почвы имѣетъ важное значеніе въ исторіи. Исторія Европы была бы совершенно иная, справедливо замѣчаетъ Фриманъ,—еслибы сохранилось то очертаніе береговъ, которое существовало въ такъ-называемый эскимосскій періодъ, когда не было ни Средиземнаго моря, ни Балтійскаго; иною была бы эта судьба, еслибы не поднялись холмы у береговъ Тибра, а возвышался бы одинъ Тускуланскій холмъ, далекій отъ моря и отъ Тибра: Римъ тогда не возникъ бы. Вспомнимъ кстаті нашъ черноземъ. Исчезновеніе породъ животныхъ изъ той или другой страны и смѣна человѣческихъ породъ одной другою, которая опредѣляется часто геологическими причинами, чрезвычайно важны для исторіи. По мнѣнію Фримана, напрасно геологія и сродныя ей знанія слишкомъ далеко поставлены въ іерархіи наукъ отъ историческихъ знаній, ибо и тѣ, и другія заключаютъ въ себѣ факты, изучаемые на основаніи свидѣтельства; разница только въ характерѣ фактовъ и въ характерѣ свидѣтельства. Здѣсь, впрочемъ, слѣдуетъ допустить значительное ограниченіе: свидѣтельства, на которыхъ основана геологія, не письменныя, а вещественныя; письменныя свидѣтельства въ геологіи значатъ очень мало, въ исторіи же на оборотъ. Это составляетъ разницу весьма существенную. Пропастъ между геологіей и исторіей напол-

няется, по замѣчанію Фримана, такими знаніями, которыя являются необходимыми спутниками исторіи, каковы нумизматика, палеографія, археологія вообще ¹⁾ и географія. Эти знанія имѣютъ много общаго съ геологіей въ своихъ приемахъ: они основаны на вещественныхъ памятникахъ, а географія даже беретъ значительную долю своего матеріала изъ геологіи. Здѣсь же встаетъ авторъ говорить о хронологіи, которая, подобно географіи, считается однимъ изъ глазъ исторіи. Разницу въ отношеніи этихъ двухъ знаній къ исторіи Фриманъ видитъ въ томъ, что хотя у хронологіи есть свои методы, не доступные часто для историка; главная ея цѣль помогать исторіи, тогда какъ географія имѣетъ свое приложеніе и внѣ цѣлей историческихъ: для географа могутъ имѣть значеніе страны, не имѣющія не только исторіи, но даже и населенія. Взглядъ этотъ чисто-практическій; при этомъ забывается, что изученіе такихъ странъ съ точки зрѣнія физической географіи можетъ при сравнительномъ методѣ пролить свѣтъ и на страны, такъ-сказать, историческія. Большое вниманіе авторъ обращаетъ на отношеніе къ исторіи двухъ разрядовъ наукъ: лингвистическихъ и юридическихъ. Замѣчанія автора по этому вопросу заключаютъ въ себѣ много умнаго и поучительнаго. Фриманъ убѣжденъ въ пользѣ изученія наукъ того и другаго разряда въ связи съ исторіей, но онъ указываетъ и на то, что каждая изъ нихъ имѣетъ свои цѣли, независимыя отъ исторіи: такъ, лингвистъ обращаетъ главное вниманіе на грамматическія формы, историкъ — на словарь. Прибавимъ впрочемъ, что эти ограниченія едва ли можно считать безусловными, едва ли не слѣдуетъ историку обращать вниманіе на паденіе формъ глагольныхъ и замѣщеніе ихъ сложными (описательными), на замѣщеніе падежныхъ формъ предлогами, вообще на упрощеніе этимологіи. Если историкъ даже не внесетъ этихъ фактовъ въ свое изложеніе, онъ все же долженъ быть знакомъ съ ними. Этотъ вопросъ не менѣе важенъ, чѣмъ вопросъ, поставленный Фриманомъ, на какомъ языкѣ говорили между собою люди той или другой эпохи, вопросъ, въ особенности важный тамъ, гдѣ по историческимъ условіямъ сталкивалось нѣсколько языковъ, какъ на примѣръ, въ Англіи при норманнахъ или, прибавимъ, въ Литвѣ при Ягеллонахъ. Защищая

¹⁾ При этомъ Фриманъ указываетъ на отношеніе исторіи искусства, преимущественно архитектуры, къ исторіи, замѣчая, что эта отрасль знанія, имѣя свои спеціальныя свойства, входитъ тѣмъ не менѣе въ кругъ знаній историческихъ. Иного и нельзя было ждать отъ Фримана, такъ искусно указавшаго въ своихъ многочисленныхъ очеркахъ историческое значеніе памятниковъ архитектуры.

сравнительное и историческое языкознание, какъ и сравнительное и историческое изученіе юридическихъ институтовъ, авторъ справедливо замѣчаетъ, что безъ исторіи ни языкознание, ни правовѣдѣніе не были бы науками въ полномъ смыслѣ слова, а исторія и безъ нихъ была бы наукой. Въ подтвержденіе его словъ можно привести общую грамматику, которой придавали такое значеніе въ XVIII в., и теорію естественнаго права. Лишенные опоры исторіи, эти обѣ попытки обобщить языкознание и правовѣдѣніе были бесплодны, а послѣдняя даже вредна: естественное право, выходя изъ ложной теоріи первоначальнаго договора, лежащаго будто бы въ основаніи общества, пріучало къ мысли, что строеніе общественное есть дѣло разсудка, которому нечего соображаться съ преданіями ¹⁾. Пагубные слѣды этого воззрѣнія еще живы и доселѣ. Съ ними обязана бороться наука. Защищая сравнительное изученіе языкознанія, авторъ снова возвращается къ ограниченности тѣхъ филологовъ, которые заперлись въ тѣсныхъ предѣлахъ классическихъ языковъ, изучаемыхъ въ ихъ цвѣтущій періодъ, а также и противъ тѣхъ, которые желаютъ ограничиться только новыми языками безъ связи съ древними. Стремленіе сдѣлать науку объ языкѣ чисто-естественною наукой, стремленіе, столь замѣтное въ наше время у многихъ лингвистовъ, встрѣчаетъ у Фримана энергическое и вѣрное опроверженіе, ибо въ словѣ по преимуществу сказывается духовная природа человѣка: λόγος значить и слово, и разумъ, а христіанство придало этому слову еще болѣе высокое духовное значеніе Богослова ²⁾.

¹⁾ Впрочемъ и теорія общей грамматики выходитъ изъ предположенія объ общемъ соглашеніи при образованіи языка.

²⁾ Въ Historical Essays Фримана находимъ (Third series) замѣчательную статью Race and Language, въ которой очень мѣтко указано различіе этнологіи отъ лингвистики: первая основана на физическихъ различіяхъ человѣческихъ породъ, независимыхъ отъ воли человѣка, ибо никто не можетъ измѣнить формы своего черепа, а вторая раздѣляетъ племена по языкамъ, въ значительной степени зависящимъ отъ человѣческой воли, ибо часты случаи, когда народъ одного племени принимаетъ языкъ другаго. Вотъ почему первую науку Фриманъ считаетъ физической, а вторую исторической. Языкъ, по мнѣнію Фримана, болѣе, чѣмъ происхожденіе отличаетъ одинъ народъ отъ другаго, ибо не только отдѣльные лица, поселясь между людьми одного происхожденія, сливаются съ ними, но и цѣлыя массы сливаются также: Фриманъ основывается главнымъ образомъ на томъ, что въ образованіи родовъ и племенъ въ древности начало усыновленія (adoptio) играло важную роль. У насъ на это начало съ особою силой (быть

Переходя къ отношенію правовѣдѣнія къ исторіи, авторъ вѣрно указываетъ на то, что наука права имѣетъ свою отдѣльную отъ исторіи область: практическую и можетъ и должна быть изучаема для практическихъ цѣлей; но эти практическія цѣли не должны закрывать отъ изслѣдователя историческихъ основъ. Старая англійская юридическая школа, изучающая Блекстона вмѣсто источниковъ, возбуждаетъ протестъ Фримана. Онъ припоминаетъ, какъ въ то время, когда онъ былъ экзаменаторомъ, юристъ, его товарищъ, требовалъ отъ экзаменующаго сказать, что Вильгельмъ Завоеватель ввелъ въ Англии феодализмъ, и указаніемъ на учебники опровергалъ замѣчанія самого Фримана. Горячо защищаетъ авторъ сравнительный методъ Мэна и историческій Стеббса. Замѣчательно, что главное вниманіе автора обращено на публичное право, а между тѣмъ для историка въ высшей степени важно право частное. Важна, на примѣръ, въ исторіи всей новой Европы борьба началъ римскаго права съ обычнымъ и ихъ взаимнодѣйствіе. Это мы можемъ до нѣкоторой степени видѣть даже и у насъ. Таковы, въ общихъ чертахъ, взгляды автора на отношеніе къ исторіи различныхъ наукъ. Читатель поражается тѣмъ, что въ списокѣ Фримана не видить науки экономической, которая у современныхъ намъ историковъ получаетъ первенствующее значеніе. Опредѣлить законное мѣсто явленіямъ экономическаго порядка въ ряду явленій исторической жизни—одна изъ самыхъ настоятельныхъ задачъ XIX вѣка слишкомъ гордь своимъ матеріальнымъ прогрессомъ и слишкомъ склоненъ видѣть въ немъ вѣнецъ развитія человечества. Тутъ, конечно, нельзя не видѣть реакціи противъ возрѣній, ставившихъ на первый планъ внѣшній блескъ и внѣшнее могущество; но реакція заходитъ слишкомъ далеко: забывается то, что „единое есть на потребу“. Невольно ищешь въ книгахъ, подобныхъ книгѣ оксфордскаго профессора, отвѣтъ на то, въ какое отношеніе авторъ становится къ вопросамъ религіознымъ. Онъ, очевидно, не принадлежитъ къ числу яростныхъ противниковъ религіи, неустанно повторяющихъ восклицаніе Вольтера: *écrasez l'infame* или утверждающихъ (какъ Мортеллэ въ *Prehistorique*), что канибальство есть плодъ религіозныхъ вѣрованій и т. п., но онъ и не принадлежитъ, очевидно, къ числу людей убѣжденныхъ въ томъ глубокомъ значеніи, которое имѣютъ вѣрованія въ

можетъ, не безъ преувеличенія) указывалъ замѣчательный, теперь, къ сожалѣнію, уже не живущій съ нами, изслѣдователь—А. И. Никитскій.

народной жизни. Очевидно, что для него церковь главнымъ образомъ— учрежденіе; но отчего же въ Англіи изъ этого учрежденія люди рвутся въ массу сектъ ¹⁾; отчего англійскіе богословы ищутъ часто примкнуть то къ православной, то къ католической церкви? На сколько это учрежденіе узко—вотъ [вопросъ глубокой важности для историка. Впрочемъ этого вопроса мы уже касались выше, но не могли и здѣсь пройти мимо него, ибо люди науки нерѣдко обходятъ его, а между тѣмъ онъ-то и лежитъ „во главѣ угла“.

Слѣдующая лекція (2-го курса) посвящена вопросу о трудности изученія исторіи. Мы уже указывали на предварительную замѣтку Фримана, направленную противъ мнѣнія тѣхъ, которые считаютъ изученіе новой исторіи легкимъ. Въ занимающей насъ лекціи профессоръ обстоятельнѣе рассматриваетъ этотъ вопросъ и указываетъ на причины, почему новая исторія считается болѣе легкою, чѣмъ древняя. Замѣчанія Фримана направлены противъ мѣстныхъ англійскихъ заблужденій, но они часто имѣютъ приложеніе и къ другимъ обществамъ. Прежде всего онъ указываетъ на господствующее въ обществѣ полное невѣжество по вопросу объ источникахъ новой исторіи. Многіе, какъ онъ утверждаетъ,—увѣрены въ томъ, что источники новой исторіи хранятся въ рукописяхъ, что печатныхъ и совсѣмъ нѣтъ. Не встрѣтимъ ли и мы между нашими образованными людьми такихъ, которые не знаютъ, что напечатаны лѣтописи? Въ одномъ учебникѣ русской исторіи случилось намъ прочесть, что Степенная книга и Макарьевскія Минеи были напечатаны при Грозномъ; стало быть, авторъ учебника только слышалъ объ этихъ двухъ источникахъ. Для людей, думающихъ такъ, дѣло историка представляется особенно труднымъ, но за то облегчается изученіе для другихъ, ибо они могутъ довольствоваться лишь новыми изложеніями. Вслѣдствіе того каждый считаетъ себя въ правѣ судить объ историческихъ фактахъ, ибо очень немногіе могутъ уличить его въ невѣжество. Фриманъ останавливаетъ вниманіе своихъ слушателей на томъ, что невѣжество, которое проявляется въ газетныхъ статьяхъ и въ популярныхъ книгахъ,

¹⁾ Подобный вопросъ ставится и у насъ и ставится вполне законно. Быть можетъ, изслѣдованіе его придастъ болѣе духовной энергіи представителямъ нашей церкви и послужитъ началомъ выхода изъ того положенія, которое создалось для нея въ началѣ XVIII вѣка, быть можетъ, не безъ благоприятныхъ для того условий и въ предшествующее время. Вопросъ обширный, но настоятельный.

почти не возможно въ статьяхъ о наукахъ точныхъ: позволить ли себѣ какой-нибудь серьезный журналъ напечатать на своихъ столбцахъ статью, въ которой будетъ доказываться, что солнце ходитъ около земли, а между тѣмъ, по свидѣтельству нашего автора, статьи, исполненныя невѣжества въ исторіи, печатаются не только въ газетахъ, какъ напримѣръ, въ Times, но даже въ археологическихъ сборникахъ: въ одномъ изъ нихъ онъ нашелъ статью о Салическомъ законѣ, какъ основѣ исключенія женщины отъ французскаго престола, со ссылкой на Вольтера. Стало быть, автору неизвѣстны были не только изданные тексты Салическаго закона, но и изслѣдованія о немъ. Самые яркіе примѣры подобнаго невѣжества авторъ встрѣчаетъ въ выходящихъ во множествѣ провинціальныхъ сочиненіяхъ по мѣстной исторіи (думаю, что подобныхъ примѣровъ можно подыскать много и въ другихъ странахъ). Главною причиною распространеннаго убѣжденія въ легкости изученія исторіи, по мнѣнію профессора, является отсутствіе въ историческихъ сочиненіяхъ технического языка. Дѣйствительно, чловѣкъ, незнакомый съ химіей, открывая химическую статью или книгу, встрѣчаетъ цѣлыя страницы, наполненныя непонятными для него словами и формулами. То же почти встрѣтитъ онъ и въ книгахъ по другимъ естественнымъ наукамъ. И въ книгахъ историческихъ встрѣчаются, конечно, нѣкоторыя слова, обозначающія разныя понятія (преимущественно юридическія), но такихъ словъ не много, да къ тому же они часто объясняются въ самомъ изложеніи, и во всякомъ случаѣ изъ этихъ словъ не составляется цѣлыхъ предложеній. Исторія кажется легкою еще потому, что писатель историческій болѣе или менѣе обязанъ заботиться объ изяществѣ разказа, такъ какъ историческія книги до большей части имѣютъ повѣствовательный характеръ. Вслѣдствіе того писатель, угрождающій своимъ разказомъ вкусу публики, пишущій слогомъ романовъ или газетныхъ фельетоновъ, можетъ имѣть въ публикѣ болѣе вліянія, чѣмъ писатель, болѣе его знающій, точнѣе относящійся къ источникамъ, но не прибѣгающій въ своемъ изложеніи къ эффектамъ литературнымъ. Фриманъ примѣровъ не приводитъ, но мы можемъ вспомнить хотя Капфига, чтобы не упоминать о русскихъ и недавно умершихъ, и нынѣ благополучно живущихъ. Вспомнимъ только, какъ долго С. М. Соловьевъ считался ниже нѣкоторыхъ другихъ, которые брали верхъ только угожденіемъ господствующимъ мнѣніямъ да литературными эффектами. Впрочемъ Фриманъ спѣшитъ, вслѣдъ за превосходною характеристикой писателей этихъ двухъ разрядовъ, указать на то, что предельность литературнаго

изложенія въ рукахъ мастера не мѣшаетъ серьезному значенію самыхъ трудовъ. Онъ приводитъ въ примѣръ Гиббона, Арнольда и Маколея (последняго впрочемъ съ значительными оговорками, но съ признаніемъ за нимъ и серьезнаго знакомства съ дѣломъ, и мастерскаго художественнаго изложенія); мы же можемъ припомнить Карамзина и Д. И. Иловайскаго ¹⁾. Однимъ изъ препятствій къ точному знанію Фриманъ считаетъ то обстоятельство, что каждый изъ насъ путемъ слышки знаетъ что-нибудь изъ исторіи. Этимъ путемъ часто образуются предразсудки, съ которыми очень трудно бороться даже занимающемуся специально, а неспециалисты могутъ такъ и остаться съ этими предразсудками. Въ концѣ лекціи Фриманъ снова обращается къ классикамъ, повторяя то же, что мы уже видѣли выше: онъ вполне одобряетъ систему начинать изученіе европейской исторіи съ памятниковъ Греціи и Рима, полагаетъ, что изученіе этихъ памятниковъ даетъ твердое основаніе для изученія дальнѣйшей исторіи, что подтверждаетъ своимъ собственнымъ примѣромъ, но онъ взываетъ къ классикамъ, чтобъ они отказались отъ своего горделиваго пренебреженія ко всей исторіи, послѣдовавшей за золотымъ и серебрянымъ вѣками римской литературы.

Третья лекція курса посвящена вопросу о характерѣ исторической достовѣрности ²⁾. Авторъ начинаетъ свое изложеніе съ опредѣленія исторіи какъ науки (или знанія) о человѣкѣ, какъ членѣ политическаго общества (as a political being). Намъ прежде всего останавливаетъ здѣсь отождествленіе словъ науки и знанія (Science и Knowledge); мы привыкли раздѣлять эти понятія, разумѣя подъ словомъ наука систематическое и методическое знаніе. Въ этомъ случаѣ мы являемся учениками нѣмцевъ, раздѣляющихъ понятія Wissenschaft и Doktrine. Ясно, что между этими понятіями существуетъ коренное различіе: знанія скопляются практическимъ путемъ, но получаютъ характеръ науки лишь тогда, когда найдено основное начало, руководясь которымъ могутъ быть расположены методически накопившіяся знанія. Науку въ этомъ смыслѣ слѣдуетъ отличать отъ науч-

¹⁾ Намъ случилось читать, будто изложеніе Д. И. Иловайскаго только литературное (то-есть, гладкое, ясное), а не художественное; но подобное сужденіе свидѣтельствуетъ только о томъ, какъ извращенъ вкусъ у нашей публики прямыми произведеніями разныхъ quasi-историковъ.

²⁾ Въ русской литературѣ дѣтъ около сорока тому назадъ поднятъ былъ вопросъ объ исторической достовѣрности въ замѣчательныхъ статьяхъ *гг. С. С. Уварова* (въ *Современникѣ*) и *П. Н. Кудрявцева* (въ *Отечеств. Запискахъ*).

наго метода, то-есть, методологическаго изслѣдованія. Научный методъ прилагается и къ знаніямъ, не составляющимъ науки; такъ, напримеръ, археологическія изысканія должны совершаться съ научными приѣмами изслѣдованія, но археологія есть собраніе разнородныхъ знаній, не имѣющее ни своей системы, ни своего основнаго начала. Вотъ почему и Фриманъ полагаетъ, что право называться наукой принадлежитъ не исторіи, а тому, что онъ называетъ политикой, имѣющею свою цѣлю привести въ систему все то, что сообщаетъ исторія, и такимъ образомъ явиться высшею цѣлю исторіи и ея завершеніемъ. Очевидно, что то, что Фриманъ называетъ политикой, соотвѣтствуетъ тому, что у многихъ французскихъ, нѣмецкихъ и англійскихъ писателей называется соціологіей, съ тѣмъ различіемъ, что въ понятіи политики на первомъ планѣ стоитъ и должно стоять понятіе государства, а въ понятіи соціологіи на первомъ планѣ стоитъ понятіе общества. Никто изъ людей правильно мыслящихъ не допуститъ въ наше время того противоположенія общества государству (то-есть, правительству, администраціи), которое господствовало лѣтъ тридцать тому назадъ, но каждый долженъ согласиться въ томъ, что понятіе общества шире понятія государства. Конечно, въ современныхъ попыткахъ научно построить соціологію мы встрѣчаемся съ недоразумѣніями, подобными тѣмъ, которыя представляли старыя попытки философіи исторіи, хотя и въ другомъ направленіи. О попыткахъ философіи исторіи съ ужасомъ говоритъ Фриманъ и потому отвергаетъ самое названіе. Современныя соціологическія построенія грѣшатъ главнымъ образомъ преобладаніемъ естественно-научной и экономической точки зрѣнія. Эти точки зрѣнія тѣсно связаны между собою: современное естествознаніе (въ большинствѣ своихъ представителей) ставитъ главною своею цѣлю механически объяснить міръ, удаливъ все, какъ нынѣ любятъ выражаться, теологическія и метафизическія объясненія. Матеріальное благосостояніе ставится вслѣдствіе того цѣлю человѣческаго развитія. Оттого и современные соціологи, и подчиняющіеся ихъ вліянію изслѣдователи историческіе заняты главнымъ образомъ экономическими отношеніями и ими объясняютъ развитіе общества. Съ этой точки зрѣнія единственнымъ мѣриломъ умственнаго развитія служитъ развитіе естествознанія, а при томъ характеръ, который оно получило съ конца XVIII вѣка— развитіе матеріализма. Будемъ надѣяться, что подобному воззрѣнію не суждено окончательно возобладать, и если къ нему пришла современная цивилизація, то къ нему же нѣкогда пришла и древняя

цивилизация, и только обновленная живительнымъ духомъ христіанства, и найдя себѣ „новые мѣха“ въ новыхъ народахъ, могла она развиваться въ средніе и новыя вѣка. Едва ли не слѣдуетъ, однако, признать настоящую стадію развитія за послѣднюю. Все говоритъ о томъ, что долженъ выступить новый культурный типъ, хотя представителямъ его надо заслужить свое историческое мѣсто, ибо даромъ ничего въ мірѣ не дается.

Нельзя не согласиться съ Фриманомъ, что повѣствовательная исторія не есть наука, хотя требуетъ отъ работниковъ научнаго метода. Характеръ науки получаетъ та форма исторіи, которую мы позволимъ себѣ по старому назвать философіей исторіи, ибо такое названіе исключаетъ крайности и соціологіи, и политики, и хотя допускаетъ разнообразіе взглядовъ, происходящее отъ различія метафизическихъ и этическихъ системъ, но даетъ возможность шире поставить вопросы. Отъ вліянія метафизическихъ и этическихъ воззрѣній не свободны ни соціологія, ни политика, въ особенности первая. Механическое міросозерцаніе есть метафизическое ученіе: матеріализмъ, а утилитаризмъ (съ его видоизмѣненіемъ алтруизма)—тоже ученіе этическое. Отъ метафизики и этики некуда уйдти человѣку, и отказываясь отъ нихъ, онъ все же ими занимается: какъ мольеровскій герой, не зная того, что говоритъ прозою, все же говоритъ прозою.

Современная соціологія, стремясь стать наукой естественною, желаетъ принять точный характеръ науки о природѣ и подобно астрономіи, химіи, частью метеорологіи имѣть возможность предсказывать явленія. Бокль прямо высказываетъ эту цѣль. Фриманъ блистательно доказываетъ разницу исторической достовѣрности отъ достовѣрности наукъ точныхъ.

Исторія, какъ извѣстно, основывается на показаніяхъ; Фриманъ замѣчаетъ, что въ этомъ случаѣ положеніе историка хуже положенія геолога: геологъ можетъ ошибаться, можетъ лгать; но скалы, слои не лгутъ и не ошибаются,—тогда какъ въ исторіи ложь и заблужденіе возможны въ самомъ первоначальномъ источникѣ. Даже въ личной жизни каждаго изъ насъ многое извѣстно намъ по наслышкѣ: первые годы дѣтства, наприимѣръ. Даже и позднѣе я могу быть въ мѣстности и ошибиться, повѣривъ неточному показанію въ обозначеніи мѣстности, могу слышать рѣчь и ошибиться въ имени оратора. Извѣстно, что никогда два очевидца не сообщаютъ въ одномъ и томъ же видѣ происшествія, при которомъ они присутствовали. Въ разказѣ о битвахъ и другихъ сложныхъ событіяхъ можно объяснить

это еще тѣмъ, что очевидецъ видѣлъ только одну часть поля дѣйствія, одинъ изъ его моментовъ, но то же замѣчаютъ при передачѣ простыхъ явленій, при сообщеніи чьихъ-нибудь словъ, ибо и здѣсь передача случившагося зависитъ отъ личныхъ взглядовъ свидѣтеля, и намъ приходится сводить показанія очевидцевъ и выбирать изъ нихъ то, что согласуется. Когда намъ приходится выбирать изъ нѣсколькихъ показаній, мы выбираемъ обыкновенно то, которое намъ кажется болѣе вѣроятнымъ, и здѣсь мы можемъ очень ошибиться: тотъ, кому для какой-нибудь цѣли нужно выдумать извѣстіе, старается придать своей выдумкѣ наиболѣе вѣроятія; слѣдовательно, бываютъ случаи, когда извѣстіе, не невозможное физически, но невѣроятное, должно быть предпочтено. Такъ при нѣсколькихъ чтеніяхъ одного и того же мѣста памятника критики предпочитаютъ болѣе трудное, ибо переписчикамъ легче замѣнить неизвѣстное слово извѣстнымъ, чѣмъ на оборотъ ¹⁾. Особенно правило это примѣняется тамъ, гдѣ по всякимъ соображеніямъ изобрѣтатель извѣстія, если оно изобрѣтено, долженъ былъ бы подставить болѣе извѣстную мѣстность или болѣе извѣстное имя, а онъ ставитъ менѣе извѣстное. Конечно, разобраться въ этомъ предстоитъ критикѣ исторической, и она не можетъ прямо отрицать такія невѣроятныя извѣстія, какъ не можетъ прямо отрицать и легенды. Такъ, напримѣръ, Фриманъ не считаетъ возможнымъ прямо отрицать легенду ни тогда, когда повторяется въ нѣсколькихъ случаяхъ одно и то же дѣйствіе (напримѣръ, самопожертвованіе двухъ или, по нѣкоторымъ, трехъ Деціевъ), ни тогда, когда она кажется невозможною, какъ, напримѣръ, въ случаѣ основанія Рима двумя вскормленными волчицею близнецами, когда ни соблазнительно объяснить эту легенду лѣсистымъ и дикимъ видомъ тибрскихъ холмовъ въ то отдаленное время. Отвергнуть прямо эту легенду, по мнѣнію Фримана, нельзя потому, что случаи кормленія дѣтей дикимъ звѣремъ встрѣчаются въ считающихся достовѣрными разказахъ путешественниковъ; стало быть, въ данномъ случаѣ мы можемъ только сказать, что эта легенда не достаточно подкрѣплена свидѣтельствами. Все сказанное до сихъ поръ служить, по замѣчанію Фримана, скорѣе къ доказательству недостовѣрности, чѣмъ достовѣрности исторіи; „но“, продолжаетъ онъ, — „различіе между достовѣрностію другихъ наукъ и

¹⁾ Когда въ русской литературѣ С. М. Соловьевъ въ первый разъ высказалъ это правило, оно встрѣчено было сильнымъ недоумѣніемъ, и совершенно напрасно.

нашею состоитъ только въ степени, а не въ родѣ. Полная достовѣрность доступна немногимъ, иные полагаютъ даже, что она никому недоступна". Въ объясненіе приводятъ они мнѣніе Милля, будто можетъ существовать міръ, гдѣ $2 \times 2 = 5$. Положимъ, что таковаго міра, какъ основательно доказываетъ одинъ изъ самыхъ глубокомысленныхъ русскихъ мыслителей Н. Н. Страховъ, и существовать не можетъ; но все же нельзя не согласиться съ Фриманомъ, что такъ-называемые законы естествознанія „суть выводы изъ наблюдений, что въ основѣ кладется совершенно неясное понятіе силы, а главное, что наши умственные силы не могутъ понять ни абсолютнаго зачала ¹⁾, ни его отсутствія, ни отсутствія конечной причины, ни ея природы“. Такимъ образомъ, по мнѣнію Фримана, во всѣхъ наукахъ, за исключеніемъ развѣ только математики, мы имѣемъ дѣло не съ достовѣрностію, а съ большею или меньшею вѣроятностію. Конечно, событія нравственнаго міра болѣе представляютъ колебаній, чѣмъ явленія міра вещественнаго, ибо источникъ ихъ человѣческая воля, но съ другой стороны, безсознательно сущность воли доступна намъ болѣе, чѣмъ понятіе силы, которое, по замѣчанію Фримана, только „приличный способъ выразить наше невѣжество объ основной причинѣ“. Вслѣдствіе всѣхъ этихъ соображеній достовѣрность исторіи, по мнѣнію Фримана, нисколько не уступаетъ достовѣрности другихъ областей знанія.

Четвертая лекція посвящена вопросу о первоисточникахъ. Профессоръ выходитъ изъ того несомнѣннаго положенія, что историческое изложеніе только тогда и имѣетъ цѣну, когда оно основано на источникахъ. Устанавливать это начало приходится ему потому, что являются сочиненія, написанныя на основаніи двухъ или трехъ новѣйшихъ сочиненій. Конечно, всѣхъ источниковъ европейской исторіи или даже исторіи, напримѣръ, Англии не въ состояніи никто изучить; но у каждаго долженъ быть одинъ или нѣсколько періодовъ изученныхъ имъ вполне. Такимъ образомъ пріобрѣтается историческій тактъ, способствующій замѣтить, въ чемъ заключаются ошибки чужаго изложенія, а слѣдовательно, дающій возможность поправить эту ошибку обращеніемъ къ первоисточникамъ. Прибавлю къ этому, что для историка обязательно имѣть общее понятіе о главныхъ источникахъ всѣхъ періодовъ и даже поверхностное знакомство съ ними

¹⁾ Для избѣжанія смѣшенія понятій мы позволили себѣ перевести *beginning* словомъ *зацало*.

(то-есть, въ предѣлахъ отмежеванной имъ себѣ спеціальности). Отъ этихъ общихъ замѣчаній Фриманъ переходитъ къ опредѣленію того, что такое первоисточникъ. Онъ считаетъ это необходимымъ въ виду того, что многіе равно ссылаются и на Фукидида, и на Грота.

Самымъ важнымъ источникомъ авторъ считаетъ разказъ современника о томъ, что онъ самъ видѣлъ или о чемъ слышалъ отъ очевидцевъ. Таковы разказы Фукидида, Амміана Марцеллина и т. д.; Ливій, Тацитъ, Плутархъ, даже Геродотъ являются, по его мнѣнію, нѣсколько въ иномъ свѣтѣ: они сообщаютъ не то, чему были современниками, но пишутъ на основаніи письменныхъ или, какъ Геродотъ, устныхъ разказовъ и потому часто замѣняютъ намъ потраченные источники. Можно еще прибавить, что Геродотъ драгоцѣннѣе извѣстіями о тѣхъ странахъ, которыя онъ посѣтилъ самъ и, слѣдовательно, относительно ихъ топографіи и общаевъ является непрерываемымъ первоисточникомъ. Уяснивъ далѣе свою мысль нѣсколькими примѣрами писателей средневѣковыхъ, авторъ переходитъ къ актамъ юридическимъ, дипломатическимъ и т. п. Есть мнѣніе, что исторія должна быть изучаема преимущественно по актамъ; признавая за этою мыслью значительную долю правды, Фриманъ спѣшитъ указать на то, что безусловное приложеніе ея можетъ повести къ ошибочному изложенію: разказъ обыкновенно послѣдователенъ; такой послѣдовательности нельзя искать въ актахъ, хотя бы они и сохранились въ хронологически непрерывномъ рядѣ, ибо и тогда они представляютъ только нѣкоторыя стороны современной жизни, и притомъ формальной, слѣдовательно ими можетъ быть только дополняемъ и объясняемъ связанный разказъ, ибо какъ говоритъ профессоръ: „разказъ безъ актовъ неполонъ, но по крайней мѣрѣ понятенъ; а акты безъ разказа едва ли могутъ быть понятны“. Вотъ почему Фриманъ въ особенности настаиваетъ на выборѣ для начала занятій одинъ такой связанный разказъ; очень важно его указаніе, что при такомъ выборѣ слѣдуетъ столько же руководиться литературнымъ, сколько и историческимъ значеніемъ такого разказа. Установивъ эти начала, авторъ показываетъ необходимость выбора между первоисточниками, указываетъ на то, что степень ихъ достовѣрности весьма различна, но нерѣдко для изучающаго важно не только то, что было, но и то, какъ совершившееся представлялось современникамъ; потому могутъ быть важны писатели, передающіе слухи, анекдоты и т. п., важны могутъ быть писатели, не имѣющіе въ виду цѣли сообщенія историческихъ свѣдѣній, а какія-нибудь иныя практическія цѣли. Такъ важны доне-

сенія пословъ, сообщающихъ своему двору о событіяхъ той страны, куда они посланы. На донесеніяхъ венеціанскихъ, какъ извѣстно, главнымъ образомъ, основаль свои труды Ранке; въ русской исторической литературѣ давно уже оцѣнено значеніе посольскихъ донесеній. Къ тому же разряду Фриманъ относитъ житія святыхъ, писанныя съ цѣлію возбудить благочестіе, но которыя могутъ быть интересны и по указанію на нравы, и по выраженію господствующихъ взглядовъ. Такое значеніе житій тоже оцѣнено и въ нашей литературѣ. Къ анекдотамъ Фриманъ относится строже, и совершенно основательно, ибо, какъ и онъ замѣчаетъ, они рѣдко доходятъ до насъ отъ современниковъ, еще рѣже можно отличить въ нихъ сознательную цѣль: такъ „Тайная исторія“ Прокопія до сихъ поръ подвергается такимъ сомнѣніямъ. Предостереженіе Фримана отъ употребленія анекдотовъ въ дѣло не бесполезно было бы для нѣкоторыхъ нашихъ историковъ, слишкомъ на нихъ падкихъ. Вообще, можно сказать, что анекдотъ, представляя исключительный случай, рѣдко можетъ служить для характеристики общества. Слѣдуетъ постоянно помнить примѣръ Токвила, который въ своемъ знаменитомъ сочиненіи: „Старый порядокъ и революція“ пользовался только фактами, наиболѣе часто встрѣчавшимися въ актахъ, и притомъ въ разныхъ краяхъ, ибо какъ общіе факты они наиболѣе характеристичны. Чрезвычайно важнымъ источникомъ считаетъ Фриманъ національныя эпопеи, изображающія первоначальное состояніе общества, въ особенности Гомеровскія поэмы. Такое значеніе народной эпопеи въ нашей литературѣ сдѣлалось общимъ мѣстомъ, благодаря трудамъ О. И. Буслаева, О. Θ. Миллера и т. д. Мнѣ вѣжется, что литература всѣхъ временъ заслуживаетъ такого же вниманія; не даромъ С. М. Соловьевъ такъ ревностно слѣдилъ за нею во всѣ періоды развитія русской жизни, съ чѣмъ, вѣроятно, соглашается и самъ Фриманъ, ставя въ слѣдующей лекціи Данта въ рядъ первоисточниковъ историческихъ. Изложивъ свое ученіе о первоисточникахъ, съ которымъ остается только соглашаться, по временамъ лишь вспоминая его, Фриманъ останавливается на вопросѣ о выборѣ историческаго періода (ограничиваясь здѣсь предѣлами своей катедры). Онъ полагаетъ, что не слѣдуетъ ограничиваться однимъ періодомъ, а слѣдуетъ выбрать по крайней мѣрѣ два; сверхъ того, онъ считаетъ необходимымъ, чтобы промежутокъ между избранными періодами, которые, по его мнѣнію, должны быть не близки одинъ къ другому, наполненъ былъ изученіемъ пособій, съ провѣркою по возможности

по первоисточникамъ. Затѣмъ, какъ примѣръ для взаимной провѣрки разнородныхъ источниковъ, онъ представляетъ сличеніе показаній Doomsday-book (англійская писцовая книга временъ нормандскаго завоеванія) съ хрониками. Лекцію онъ заключаетъ обращеніемъ къ занимавшимся классическими языками, приглашая ихъ перейти къ англійской исторіи, ибо онъ считаетъ, что они болѣе тщательно приготовлены къ ученымъ занятіямъ; но мы уже знаемъ, что изученіе классическихъ языковъ, по мнѣнію Фримана, не должно сосредоточиваться около грамматическихъ тонкостей.

Въ пятой лекціи профессоръ снова возвращается къ вопросу о неудобствѣ раздѣлять исторію новую отъ исторіи Греціи и Рима. Завоеваніе римскихъ земель варварами, по его мнѣнію, было скорѣе завоеваніе варваровъ римскою цивилизаціей. Конечно, въ земляхъ Германскаго племени это завоеваніе было менѣе полно, являлись писатели на языкахъ германскихъ, начиная съ перевода Библии Улфилою, въ англо-саксонскихъ хроникахъ, въ переводахъ Беды, Орозія и Боэція, сдѣланныхъ королемъ Альфредомъ. Дѣло Альфреда сопоставляетъ авторъ съ дѣломъ Катона Старшаго, первоначальника латинской историографіи.

Начало письменности на романскихъ нарѣчіяхъ возникаетъ позднѣе: французскія хроники начинаются съ XI вѣка, а Дантъ является въ XIII вѣкѣ. Такимъ образомъ, въ продолженіе семи или восьми столѣтій народы европейскіе постепенно замѣняли латинскій языкъ своими народными языками; но и латинскій языкъ продолжалъ существовать и служить преимущественно для церковныхъ цѣлей и для духовныхъ писателей. Авторъ дѣлаетъ любопытное замѣчаніе, что въ исторіи Римской имперіи было время, когда латинскій языкъ уступилъ греческому. Это было во II и III вѣкѣ, когда Маркъ Аврелій писалъ по гречески; латинскій языкъ сохранился только въ Африкѣ (сохранился и въ памятникахъ юридическихъ). Съ IV вѣка снова входитъ въ силу латинскій языкъ, даже нѣкоторые греки (напримѣръ, Амміанъ) пишутъ по латыни. Съ этого возрожденія латинской письменности начинается собственно средневѣковая литература: разстояніе между Тацитомъ и Амміаномъ болѣе велико, чѣмъ между Амміаномъ и средневѣковыми писателями. Строгіе классики не желаютъ знать ни того, ни другихъ. На востокѣ точно также держится греческій языкъ. Любопытно то обстоятельство, что если на западѣ въ числѣ писателей духовныхъ было больше, чѣмъ свѣтскихъ, на востокѣ было на оборотъ: писали государи, полководцы; писали женщины цар-

скаго рода (Анна Комнена). На востокѣ нельзя даже указать ни моментъ времени, съ котораго можно было бы начать средневѣковую литературу, ни мѣсто, гдѣ она началась; но на западѣ такимъ мѣстомъ можно до нѣкоторой степени считать Галлію, и преимущественно Овернь, родину и Сидонія Аполлинарія, послѣдняго—по выраженію Фримана—классическаго писателя, и Григорія Турскаго, перваго—по его мнѣнію—писателя средневѣковаго. Не останавливаясь на параллели этихъ двухъ писателей, изъ которыхъ одинъ близко извѣстенъ (или долженъ быть близко извѣстенъ) нашей публикѣ изъ превосходнаго сочиненія Ешевскаго, параллели, которой авторъ даетъ много мѣста. При изученіи средневѣковыхъ писателей профессоръ совѣтуетъ различать ихъ по ихъ значенію. Онъ утверждаетъ, что есть не мало людей, которые всѣмъ имъ придають одно значеніе, какъ было нѣкогда въ эпоху возрожденія, когда вѣрили, что всѣ древніе имѣють одинаковое значеніе. Замѣтки автора по этому поводу, не смотря на свою мимо-летность, могутъ быть очень полезны для изучающихъ исторію. Въ концѣ лекціи онъ снова повторяетъ свою мысль, что изученіе новѣйшей исторіи (даже XVI вѣка) не возможно безъ общаго знакомства съ исторіей V вѣка до Р. Х. и V по Р. Х., ибо прочное историческое знаніе можетъ быть приобрѣтено только изученіемъ предыдущихъ періодовъ, иначе непонятно будетъ послѣдующее.

Въ шестой лекціи профессоръ сообщаетъ своимъ слушателямъ рядъ практическихъ замѣтокъ объ источникахъ (по его выраженію) вспомогательныхъ; къ этому разряду онъ относитъ все, что не есть историческій разказъ. Иные изъ этихъ источниковъ подлежатъ вѣдѣнію наукъ естественныхъ, другіе только внѣшними условіями отличаются отъ связныхъ историческихъ разказовъ. Такъ, на примѣръ, и Юлій Цезарь, и Августъ оставили разказы о своей дѣятельности, но разказъ перваго написанъ въ книгѣ (Записки о Гальской и междоусобной войнахъ), а другой приказалъ вырѣзать свой разказъ на стѣнѣ храма (Анкирская надпись). Такимъ образомъ первый разказъ есть источникъ главный для своего времени, а второй—вспомогательный для своего. Ясно, что это раздѣленіе чисто внѣшнее. Надписи, подобныя Анкирской, на примѣръ, египетскія, ассирійскія, бегистанская и т. п., не могутъ не считаться первоисточниками; нося характеръ officialный, онѣ подлежатъ критикѣ на тѣхъ же основаніяхъ, на которыхъ она вообще разсматриваетъ officialные источники.

Свой перечень источниковъ вспомогательныхъ Фриманъ начинаетъ съ череповъ, свидѣтельствующихъ о различіи племенъ, населявшихъ

страну въ ту или другую эпоху. Изученіе череповъ приводитъ, какъ извѣстно, къ тому любопытному выводу, что чистыхъ расъ собственно нѣтъ: французскіе археологи находили въ современномъ населеніи Франціи черепа, принадлежащіе самымъ древнимъ расамъ каменнаго періода. Очевидно, что при появленіи новаго племени въ той или другой странѣ, не всѣ представители стараго уничтожаются или уходятъ, но значительная часть ихъ остается и сливается со вновь прибывшими.

Рядомъ съ черепами авторъ ставитъ произведенія рукъ человѣческихъ, начиная съ самыхъ грубыхъ орудій племенъ первоначальныхъ и съ ихъ грубыхъ сооружений. Ясно, что такіе памятники разныхъ періодовъ развитія чрезвычайно важны для изученія постепеннаго сложения національнаго типа, его особенностей и тѣхъ вліяній, которымъ онъ подвергался. Здѣсь авторъ указываетъ на то, что археологъ или техникъ-архитекторъ могутъ опредѣлить по техническимъ приѣмамъ, какое сооруженіе древнѣе, но самый вѣкъ не можетъ быть опредѣленъ безъ письменныхъ свидѣтельствъ. Извѣстно, что первоначальныя орудія, до сихъ поръ существуютъ въ Австраліи; говорятъ даже (сообщаетъ Фриманъ), что мегалолитическія сооруженія еще до сихъ поръ воздвигаются въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ Индіи. Руководствуясь только самимъ памятникомъ, можно впасть въ грубыя ошибки, на которыя указываетъ авторъ; такъ церковь въ Киркуолѣ, бывшемъ нѣкогда главнымъ городомъ Скандинавскаго графства, считается представительницею шотландской архитектуры, на томъ основаніи, что мѣстность эта на Оркадскихъ островахъ. Надписи на памятникѣ (напримѣръ, на римскомъ Пантеонѣ) придаютъ нерѣдко памятнику еще особое историческое значеніе. Переходъ отъ монументальныхъ источниковъ къ документальнымъ (оставляемъ номенклатуру Фримана) составляютъ, по мнѣнію автора, монеты. Изображенія на нихъ, а въ особенности надписи, являются часто единственнымъ источникомъ для какого-либо событія. Такъ, приводитъ онъ извѣстный примѣръ опредѣленія посредствомъ монетъ ряда бактрійско-греческихъ царей; другой примѣръ его личный: съ помощію искуснаго нумизмата, изучавшаго монеты городовъ Ахейскаго союза, ему удалось составить наиболѣе полный списокъ этихъ городовъ. Съ помощію монетъ можетъ быть восстановлена часто и историческая номенклатура мѣстности; такъ, на монетахъ элидскихъ читается ΓΑΛΕΙΩΝ ΑΧΑΙΩΝ (то есть, съ дигаммой). Пользоваться этими источниками можно при посредствѣ большой практической наметанности: такъ, говоритъ авторъ, — историкъ читаетъ надпись Антіоха, но только опытный глазъ при-

вѣчнаго нумизмата, изучившаго эмблемы, можетъ сказать, который это Антиохъ.

Отъ монетъ авторъ снова переходитъ къ надписямъ. Надпись на памятникѣ прежде всего опредѣляетъ вѣкъ памятника, но часто даетъ нѣчто большее: такъ пропускъ родоваго прозванія Агриппы въ надписи на Пантеонѣ говоритъ о гордости Агриппы: онъ намѣренно пропустилъ свое плебейское прозваніе. Надпись на знаменитомъ саркофагѣ Корнелія Луція Сципіона Бородатаго, находящаяся нынѣ въ Ватиканѣ, сообщаетъ, не смотря на свою краткость, извѣстія, не сходныя съ тѣмъ, что читается у Ливія.

Фриманъ приводитъ еще характеристичный примѣръ значенія надписей: у подошвы холма Перуджии находится этрусская усыпальница: на одномъ изъ саркофаговъ надпись по этрусски справа на лѣво и читается *Avle Felinne*, а на другомъ, заключающая въ себѣ прахъ сына этого лица, надпись съ лѣва на право и читается: *Aulus Volumnus*. Таковъ переходъ, совершившійся въ одно поколѣніе! Далѣе авторъ обращаетъ вниманіе на болѣе обширныя монументальныя надписи: на рѣчъ Клавдія къ галльскимъ сенаторамъ, которая, сравненная съ изложеніемъ Тацита, не только служитъ къ установленію фактовъ, но и къ опредѣленію способа, какимъ древніе историки пользовались своими источниками; договоръ Аѣинъ съ Халкидою, сохраненный тоже въ надписи, показываетъ ясно ихъ взаимныя отношенія; договоръ Рима съ Астипилаей (однимъ изъ Спорадскихъ острововъ) напротивъ, по замѣчанію автора, безъ общихъ историческихъ свѣдѣній могъ бы привести къ заблужденію: Римъ относится къ этому островку, какъ равный къ равному. Дѣло объясняется тѣмъ, что гавань Астипилай нужна была Риму для борьбы съ пиратами. Затѣмъ идутъ бѣглыя замѣчанія о необходимости критически относиться къ официальнымъ документамъ. Авторъ, между прочимъ, приводитъ любопытный примѣръ: когда въ 1884 г. поднялись толки объ угнетеніи Македоніи, англійскій министръ иностранныхъ дѣлъ, ссылаясь на свидѣтельство турецкаго посланника, утверждалъ что тамъ „все благополучно“. „Лучшее средство противъ такихъ прискорбныхъ заблужденій“, говоритъ авторъ, — „въ прошедшемъ или настоящемъ здравое изученіе исторіи, тщательное взвѣшиваніе свидѣтельствъ, основательный разборъ документовъ“.

Въ седьмой лекціи авторъ переходитъ къ новымъ писателямъ. Подъ этимъ названіемъ онъ разумѣетъ не столько писателей о современныхъ имъ событіяхъ, сколько историковъ, занимающихся прошед-

шими вѣками на основаніи источниковъ. Первые, по его замѣчанію, въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ могутъ быть приравнены къ первоисточникамъ, хотя положеніе Кинлека, автора „Крымской войны“ во многомъ не похоже на положеніе Фукидида, ибо первый пишетъ главнымъ образомъ на основаніи письменныхъ источниковъ, второй — прежде всего на основаніи личныхъ наблюденій и устныхъ разказовъ. Даже современный общественный или государственный дѣятель, если онъ пишетъ исторію своего времени, долженъ многое почерпнуть изъ источниковъ всѣмъ извѣстныхъ, и слѣдовательно, контроль за его показаніями легокъ. Съ этой стороны писатели современной исторіи стоятъ на одной степени съ современными учеными, изучающими исторію былого. Намъ странно, что въ своемъ перечнѣ источниковъ авторъ не обратилъ вниманіе на писателей записокъ, значеніе которыхъ такъ велико въ исторіи послѣднихъ столѣтій.

Писателей историческихъ сочиненій о временахъ прошедшихъ Фриманъ считаетъ главнымъ образомъ комментаторами первоисточниковъ и съ этой стороны совѣтуетъ читать ихъ, только ознакомившись съ главнымъ источникомъ эпохи, если таковой есть для изучаемаго времени; но онъ считаетъ полезнымъ чтеніе новыхъ писателей для тѣхъ періодовъ, которые служатъ связью между взятыми для изученія періодами, ибо мы знаемъ, что онъ совѣтуетъ начинающимъ изучать не одинъ періодъ и притомъ не избирать періодовъ, непосредственно слѣдующихъ одинъ за другимъ. Совѣтъ этотъ особенно полезенъ потому, что сличеніе двухъ отдаленныхъ періодовъ, изученныхъ равно тщательно, способствуетъ развитію историческаго пониманія, ибо наводитъ на сравненіе. Читать новыхъ писателей совѣтуетъ Фриманъ также и для тѣхъ періодовъ, источники которыхъ мелки, разбросаны и могутъ быть прослѣжены только при руководствѣ челоука, уже изучившаго ихъ. Для начинающихъ такіе періоды лучше не брать, ибо здѣсь, предоставленные своимъ силамъ, они могутъ запутаться.

Значительную долю этой лекціи авторъ посвятилъ характеристикѣ разныхъ историковъ. Здѣсь я не буду слѣдить за нимъ, ибо и такъ уже мое изложеніе становится слишкомъ обширнымъ. Замѣчу только, что имъ выбраны историки преимущественно англійскіе, а отчасти нѣмецкіе; странно, что Ранке поминается только одною строкой и то въ неблагопріятномъ смыслѣ. Изъ французовъ выдвигается одинъ Авг. Тьерри. Фриманъ, признавая его великое дарованіе, осуждаетъ прежде всего его главную мысль и потому находитъ нужнымъ ре-

комендовать своимъ слушателямъ читать „Исторію завоеванія Англіи норманнами“, какъ и „Айвенго“ Вальтера Скотта, только послѣ изученія Кембля и Пельгрева. Другое обвиненіе его противъ Тьерри состоитъ въ томъ, что этотъ писатель не различалъ критически своихъ источниковъ и нерѣдко позднѣйшимъ придавалъ большее значеніе, потому лишь, что они болѣе соотвѣтствовали его главной мысли. Нѣмецъ Фриманъ осуждаетъ за то, что они мало знакомы съ дѣйствіемъ народныхъ собраній и представительныхъ учреждений, а Момзена еще за то, что онъ слишкомъ поклоняется успѣху. Въ заключеніе профессоръ совѣтуетъ слушателямъ не ограничиваться „новѣйшею книгою“, которая замѣнила будто бы всѣ старыя, но читать и прежнихъ писателей, у которыхъ много хорошаго, и которые интересны даже съ точки зрѣнія исторіи мнѣній.

Восьмую лекцію Фриманъ посвящаетъ значенію для историка географіи и путешествій. Это одна изъ его любимыхъ темъ: его „Историческая географія“, его очерки историко-архитектурные и другіе историческіе очерки — плодъ обширныхъ изученій и продолжительныхъ странствованій. Доказывать значеніе исторической географіи, надѣюсь, нынѣ, послѣ замѣчательныхъ трудовъ Е. Е. Замысловскаго, едва ли нужно и у насъ; но нельзя не согласиться съ нашимъ авторомъ, что если значеніе это твердо установлено въ теоріи, то въ практикѣ оно нерѣдко нарушается: давно ли у насъ перестали называть сѣверо-западный край возвращенными отъ Польши губерніями! Еще ближе къ нашему времени никто не имѣлъ понятія о томъ, что Холмщина, древнее достояніе Романовичей Галицкихъ, не Польша, а Русь. Свое положеніе Фриманъ подтверждаетъ примѣрами, къ какимъ заблужденіямъ можетъ вести заявленіе, что Цезарь высадился въ Англіи, а не въ Британіи, или названіе Франціи въ событіяхъ до IX в. и т. п. Его замѣчанія о важности географическихъ картъ и спутанности въ понятіяхъ, происходившей при ихъ отсутствіи, можетъ каждый подкрѣпить своимъ опытомъ, если онъ учился въ то время, когда въ преподаваніи употреблялся только атласъ древней исторіи да историческія карты Устрялова. Средняя и новая исторія лишены были пособія картъ; можно представить себѣ, какъ это отсутствіе препятствовало правильному знанію. Фриманъ въ своемъ „Очеркѣ европейской исторіи“ внимательно слѣдитъ за измѣненіями въ территоріи главныхъ странъ Европы. Это составляетъ одно изъ важнѣйшихъ достоинствъ его компендія, введеніе котораго какъ руководства для повторенія исторіи, было бы очень желательнымъ во

многихъ отношеніяхъ. Значеніе путешествій Фриманъ объясняетъ, главнымъ образомъ, своимъ примѣромъ: такъ, видъ Швейцаріи объяснилъ ему, отчего здѣсь сохранились первобытныя формы народныхъ собраній, въ Спалатро онъ понялъ значеніе времени иллирійскихъ императоровъ, которымъ онъ посвятилъ нѣсколько въ высокой степени замѣчательныхъ статей. Сравненіе Римскихъ холмовъ съ Тускуланскимъ объяснило ему происхожденіе римскаго владычества и т. д.

Кончая обзорѣніе этой во всякомъ случаѣ замѣчательной книги, не могу не выразить своего убѣжденія, что читатель ясно видѣлъ, въ какой степени эта книга есть исключительно англійская книга. Быть можетъ, это обстоятельство придаетъ ей особый интересъ. Эта книга есть результатъ большой опытности, продолжительныхъ странствованій, многихъ размышленій. Ея практическій характеръ придаетъ ей нѣкоторую отрывочность, въ цѣломъ она далеко не удовлетворяетъ потребности въ руководящей книгѣ для занятій историческихъ: въ ней не полно обозначены отношенія исторіи къ другимъ наукамъ, пропущены цѣлыя разряды источниковъ, другіе только слегка упомянуты; далеко неполно и несвязно указаны правила исторической критики. Все это правда, но правда и то, что чтеніе ея чрезвычайно поучительно, что все, что говоритъ авторъ, онъ говоритъ по собственному опыту; всѣ мысли, которыя онъ выражаетъ, ему принадлежать. Словомъ, это одна изъ тѣхъ книгъ, къ которымъ наиболѣе подходятъ слова Монтана: „с'est un livre de bonne foi“. Мы уже не говоримъ о живости изложенія, много зависящей отъ того, что общія разсужденія прерываются личными воспоминаніями, придающими этимъ разсужденіямъ и особую жизнь, и особую цѣнность.

К. Бестужевъ-Рюминъ.

Извлечено изъ Журнала Министерства Народнаго Просвѣщенія, февраль 1887 г.

Типографія В. С. Балашева, Екатерининскій кан., № 78.

Вопрос о том, что такое искусство, является одним из самых важных и сложных вопросов философии. Искусство — это не просто отражение действительности, но и ее творческое переосмысление. Оно имеет свою специфику, свои законы и свои критерии оценки. Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас.

Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас. Оно имеет свою специфику, свои законы и свои критерии оценки. Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас. Оно имеет свою специфику, свои законы и свои критерии оценки. Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас. Оно имеет свою специфику, свои законы и свои критерии оценки.

Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас.

Искусство — это форма человеческого бытия, которая позволяет нам познать себя и мир вокруг нас.

